Дед Сашка накинул зипун, вышел на двор.
— Отцы-святители! Гришка! Откуда тэ холера взяла?.. Вот так гость!
Они обнялись. ~~Зап~~ Дед Сашка снизу заглядывая в глаза Григория сказал.
— Зайди покурим.
— Нет, завтра ~~уж~~. пойду.
— Зайди, тебе говорят!
Григорий нехотя повиновался. Он присел на досчатую кровать, ждал пока дед Сашка откашляется.
— ~~Что~~ Ну, дидко, ~~как ты~~ живешь, землю топчешь?
— Топчу помаленечку. Я, как ружье кремневое, мне износу не будет.
— Аксинья?
— Что ж Аксинья... Аксинья, слава богу.
Дед натужно закашлялся, кашлем его ~~он~~ притворство догадался Григорий, скрывает смущение.
— Танюшку... где похоронили?
— В саду. Под тополем.
— Так. Рассказывай.
— Кошка меня, Гриша, замучила...
— Ну?
— Все живы-здоровы. Пан вот попивает... Пьет глупой человек без рассудку.
— Аксинья как?
— Аксинья? Она в горничных теперь.
— Я знаю.
— Ты-ба покурил сверху? А? Закуривай, у меня табачек первый сорт.
— Не хочу, да ты говори, а то уйду. Я чую, — Григорий тяжело повернулся, доска ~~под~~ под ним хрустнула, — чую, что ты слово какое-то, ~~как~~ камень за пазухой держишь. Бей што-ли!
— И вдарю!
— Бей!
— Вдарю! Силов я не набрал молчать и лже, Гриша, молчать прискорбно.
— Рассказывай уже, — попросил Григорий с каменно-тяжелой опущенная ладонь на дедово плечо.
Сгорбившись ждал.
— Змею ты грел! — вдруг резким фальцетом вскрикнул дед Сашка, нелепо топыря руки. — Гадюку прикормил! Она с Евгением свалялась! Каков голос?
На подбородке деда, по капельцу розового шрама стекла бусинка клейкой слюны. Дед смахнул ее ладонью, ладонь вытер о широкие холстяные подштанники.
— Верно говоришь?
— Сам видал. Кажну ночь к ней таскается. Иди, он должно и сейчас у ней.
— Ну, што ж... — Григорий хрустнул мослаками пальцев и долго сидел сгорбившись, растравляя мускулы щеки, сведенной судорогой. В ушах у него разноголосо бубенцами разливались звоны.
— Баба — кошка, кто погладил к тому и ластится. А ты не верь! Веры не давай!